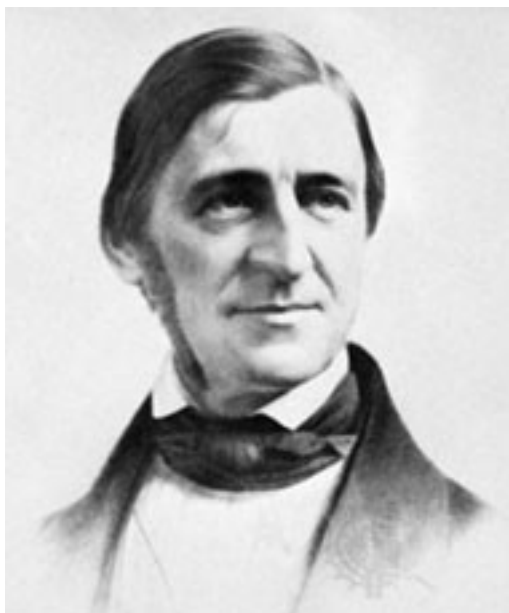

«Перезагрузка» – от Третьяковки к галерее Шилова

«С кого начинается родина?»... Представляется, что подобная поправка популярной песенной строки более соответствует действительности, чем первоисточник, ведь, как еще в XIX веке знаменитый мыслитель и писатель США Ральф Уолдо Эмерсон справедливо утверждал, что «истинный показатель цивилизации – не уровень богатства и образования, не величие городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной» [1, с. 101].

В разные периоды истории каждой страны «истинным показателем цивилизации» становится тот «облик человека, воспитываемый страной» – иначе говоря, тот тип личности, который занимает в это время доминирующее положение в обществе. Смена этого

го типа влечет за собой смену правил и норм жизни, смену политики во всех сферах жизни, в том числе – и культурной политики. «В процессе производство – распространение – восприятие культурных ценностей» участвует ряд субъектов культурной жизни, располагающих определенными ресурсами, а потому способных оказывать воздействие на различные фазы этого процесса» [2, с. 4]. Кто же в сегодняшней России располагает такими ресурсами, а значит, наиболее способен определять основные направления и характер культурной политики?

*Илл. 1. Ральф Уолдо Эмерсон.
Ralph Waldo Emerson (1803–1882)
Литография Леопольда Грозельера
(Leopold Grozelier), 1859.*

Развитой теории культурной политики пока ни у нас, ни в других странах нет, и по сей день не прекращаются дискуссии даже по поводу ее определения. Однако в широком понимании от словосочетания «культурная политика» неотделимо определение «государственная». О культурной политике как прерогативе государства шла речь и в ходе дискуссии в Монако, проведенной 24 странами – участницами ЮНЕСКО, которые сформулировали следующее определение: «культурная политика – это комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу деятельности государства в области культуры». Но как быть тогда с историческим опытом культуры России до 1917 года, где и понятия такого – культурная политика – не было, и особой заботы государства о развитии культуры не наблюдалось (за исключением разве что таких радетелей просвещения, как Екатерина Вторая, да и та в конце концов заключила в тюрьму выдающегося просветителя Николая Новикова). Однако в дореволюционной России достаточно успешно осуществлялся «комплекс операциональных принципов», обеспечивших отечественной культуре мировую славу. Делалось это конкретными людьми – по их собственной инициативе, в силу их собственного понимания значения культуры и своего гражданского долга и чаще всего без каких-либо государственных программ и указаний, без помощи властей, а порой и при их явном неодобрении и противодействии.

Опыт дореволюционной России свидетельствует о том, что судьба отечественной культуры зависит прежде всего от людей, представляющих тип личности, доминирующий в обществе. Таким доминирующим типом, оказавшим решающее влияние на культуру России XIX–XX веков, была ее интеллигенция. История культуры России – это история ее великих свершений. На особую генерацию людей, способных и готовых вершить то, что позже назвали культурной политикой, России везло. Они не составляли большинства населения, но настолько велики были их дела, настолько яркими личностями они были, что общество признало их своей элитой. «Будь гражданин! Служа искусству, для блага ближнего живи!» Эти некрасовские строки сегодня нашим прагматикам кажутся старомодными и выспренними, но ведь именно так жили и понимали свою миссию многие российские интеллигенты, для которых служение искусству и благу ближнего было нравственной нормой. «Интеллигенция – живой дух России... Сила русской интеллигенции – не в intellectus'e, не в уме, а в сердце и совести» (Д. Мережковский). «Русская интеллигенция – лучшая в мире» (М. Горький). Нравственная культура издавна была обязательным компонентом в понятии «российская интеллигенция», «уровень этой культуры измеряется не словами, а реальными поступками, в кото-

рых переплетаются нравственные знания, чувства, мотивы действий и их результаты [3, с. 167].

Творцы, подвижники, выдающиеся таланты оставили нам в наследство шедевры литературы и искусства, богатейший опыт народного просвещения, приобщения масс к культуре, пропаганды высокого Искусства, эстетического воспитания подрастающего поколения. Они создавали общественные объединения, целью которых были ликвидация неграмотности народа, издание дешевых книг, открытие народных университетов, общедоступных библиотек, музеев, театров, материальная поддержка бедных студентов и нуждающихся коллег. На собственные средства они строили сельские школы и больницы, клубы для рабочих, устраивали передвижные выставки для жителей провинции, читали бесплатные лекции, участвовали в благотворительных концертах, передавали в дар народу свои коллекции картин и богатейшие библиотеки.

Начиная с XVIII века и особенно активно с середины века XIX-го российская интеллигенция решала те же задачи, которые практически без изменений ставились во всех цивилизованных странах, а затем и в СССР. Спустя столетия слово в слово эти задачи были провозглашены в Законе о культуре постсоветской России (о том, реализуются ли они, речь пойдет ниже). Люди дела, великие практики изобретали и запускали в действие механизмы воплощения в жизнь самых смелых для своего времени культурных проектов.

*Илл. 2. Николай Иванович Новиков
(1744–1818)*

За «обеспечение доступности культуры широким слоям населения» и «прав человека на образование» еще более двух веков назад взялся великий просветитель Николай Иванович Новиков, убежденный, что только просветительская деятельность «послужит искоренению зла на земле». Собственными силами и на собственные средства и средства добровольных пожертвований Новиков организовывал издательства, выпускавшие дешевые учебные пособия и другие «полезные книги», налаживал их распространение, открыл первую в России общедоступную библиотеку-читальню. Эту практику на протяжении следующих столетий продолжали его последователи, объединявшиеся в до-

бровольные общества для обучения народа грамоте, распространения полезных знаний, издававшие дешевые полезные книги, открывавшие библиотеки и народные дома, школы для рабочих и крестьян.

*Илл. 3. Альфонс Леонович Шанявский
(1837–1905)*

В середине XIX в. А.Л. Шанявский на собственные средства создает сельскохозяйственную школу в Забайкалье, школы для бурятов в Чите и – главное дело его жизни – добивается открытия широко впоследствии известного в России учебного заведения, куда принимают всех «желающих учиться, независимо от наличия у них на это средств, уровня образования, национальности». Крупнейшие ученые Н.Д. Зелинский, К.А. Тимирязев, С.И. Вавилов, А.Е. Ферсман на общественных началах разрабатывали программы для этого университета и читали там лекции.

С открытия Московского художественного общедоступного театра началась новая эпоха не только в истории мирового сценического искусства, но и в организации театрального дела на некоммерческой основе, механизмы которого были разработаны и реализованы К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко. Члены Товарищества передвижных художественных выставок В.Г. Перов, И.Н. Крамской, А.К. Саврасов, И.Е. Репин, В.И. Суриков, В.М. Васнецов, И.И. Шишкин, В.Д. Поленов, И.И. Левитан объединились для «доставления жителям провинций возможности знакомиться с русским искусством и следить за его успехами и развития любви к искусству в обществе», как было записано в Уставе товарищества в 1869 году. Выставки передвижников, рассчитанные на широкую народную аудиторию, бесплатно посещали тысячи людей, в том числе много учащейся молодежи.

Для сохранения культурного наследия создавалось множество добровольных культурно-просветительских обществ: историко-родословное, русское археологическое, любителей древней письменности, охраны исторического наследия, любителей древностей, возрождения художеств Руси, любителей древней письменности и др. Председатель научно-исторического общества А.Д. Чертков, посвятивший жизнь изучению отечественной истории и собравший богатейшую коллекцию книг, атласов, гео-

графических карт, старинной утвари, старинных монет, подарил все это Москве, а в его доме была открыта общедоступная библиотека, которую москвичи называли «Всеобщей библиотекой России».

Председатель театрального общества А.А. Бахрушин увековечил историю русского театра, собрав коллекцию эскизов декораций, записей голосов великих актеров и певцов, театральных костюмов, редких фотографий. Так был создан театральный музей, тоже подаренный народу.

Проблемы обеспечения права нации на сохранение и развитие собственной культуры в 1860-х решали молодые талантливые композиторы, объединившиеся в вольное содружество «Могучую кучку». Важнейшим источником творчества для ее членов служили традиции русской народной музыки, получившей разнообразное преломление в их операх, симфониях, музыкальных циклах.

Право человека на творчество реализовывалось в любительских театрах, оркестрах, хорах, которые до революции создавались на крупных фабриках и заводах, в деревнях, сельских школах. Материально и творчески коллективы поддерживали представители интеллигенции, владельцы предприятий, земства. Бесплатная музыкальная школа и общедоступные классы хорового пения работали при Русском Музыкальном и Русском хоровом обществах при активном участии не только их создателей – А.Г. и Н.Г. Рубинштейнов, но и П.И. Чайковского, С.И. Танеева, А.С. Аренского, М.М. Ипполитова-Иванова. Общества давали бесплатные концерты, издавали нотные сборники для любительских коллективов. Целая система помощи деревенским, фабричным и школьным театрам осуществлялась общественной секцией при Обществе народных университетов, которая впоследствии выросла в Дом народного творчества – первый в истории профессиональный методический творческий и организационный центр поддержки любительского искусства.

Приведенные примеры, ставшие уже хрестоматийными, – всего лишь малая толика огромного количества практических решений, из которых по сути дела и складывалась культурная политика дореволюционной России.

*Илл. 4. Алексей Александрович Бахрушин
(1865–1929)*

Те же принципы: общедоступность, сохранение наследия, право на творчество и т.д. – были приняты на вооружение советским государством. Но здесь культурная политика стала полностью государственной. В СССР, как в любом другом тоталитарном государстве, культура «использовалась преимущественно как инструмент реализации собственных целей, которые чаще всего не являются для культуры главными. А именно как инструмент внедрения в сознание населения господствующих партийно-государственных ценностей и тем самым укрепления существующего общественно-политического строя... Располагающее ресурсами и управленческими структурами, способными непосредственно влиять на различные сферы культурной жизни, государство управляло культурной жизнью за счет государственного бюджета, созданного усилиями всего общества» [2, с. 6].

Отныне государственная политика осуществлялась в соответствии с типом занявшего доминирующее положение в стране *Homo sovieticus* со всеми его достоинствами и пороками, определившими резкие контрасты культурной политики того времени. На превращение всех граждан СССР от мала до велика в *Homo sovieticus* – «простого советского человека», идейного борца, строителя коммунизма – были брошены все силы. Все благие идеи были подчинены выполнению сверхзадачи – строительству «социалистической по содержанию» культуры. И в то же время в СССР было блестяще осуществлено глобальное выполнение многих серьезнейших задач, решить которые в таких масштабах и на таком уровне можно было только в процессе реализации государственной культурной политики при государственном финансировании и государственной системе подготовки кадров. Но партийно-государственный диктат, строгий контроль сковывал, а чаще просто исключал личную инициативу, подозреваемые в малейших отступлениях от линии партии жестоко карались. В результате атрофировались и традиционная готовность отечественной интеллигенции к общественному служению, к самостоятельному выбору решений, и личная инициатива.

В 1990-е годы – переходный период российской истории – казалось бы, востребованными должны были оказаться и инициатива, и готовность к общественной деятельности, и самостоятельность, но «спущенная сверху» свобода обернулась вседозволенностью, а самостоятельность реализовалась в более чем смелом использовании культуры в целях личной наживы. Постепенно культура становилась «инструментом» реализации целей прямо противоположных своему истинному предназначению, но зато прямо соответствующих целям и вкусам того типа личности, который в течение двух последних десятилетий все более уверенно лидирует в нашем обществе и становится новым субъектом культурной политики. «Любая цивилизация рано или поздно вступает в

эпоху “надлома”. И в этот период на авансцену истории, оттесняя прочие типы, выходит мещанин (предприниматель), ориентированный на частную собственность, материальные ценности, личную инициативу и предприимчивость» [4, с. 104]. Сами по себе эти деловые качества – всего лишь объективная реальность. Страшна другая сторона мещанства – мещанство духовное – воплощение пошлости, ограниченности, вещизма. Предвидя его опасность, еще в 1864 г. А.И. Герцен в статье «Концы и начала» писал: «Мещанство – это та самодержавная толпа сплоченной посредственности... с постоянным исключением из нее общечеловеческих интересов, сведением ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния... Отказываясь ради чечевичной похлебки умеренной сытости от своего божественного голода и божественного первородства, человек неминуемо впадает в абсолютное мещанство» [5, с. 83]. Сегодняшний типичный российский предприниматель-мещанин, занявший положение хозяина жизни, вполне соответствует определению Герцена. Это в большинстве своем действительно «абсолютный мещанин», сосредоточивший все интересы на своей «торговой конторе», которому неведом «божественный голод». И как одно из следствий этого – в обществе происходит «перезагрузка» главенствующей морали, ценностных ориентаций, культурных запросов и – соответственно – культурной политики.

В 1992 г. концепция культурной политики постперестроечной России была изложена в Законе Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [6]. Эта политика была объявлена «соответствующей обществу, стремящемуся стать гражданским, демократическим и экономически стабильным». Ключевые позиции концепции повторяли вечные общемировые принципы: «обеспечение права человека на образование, на творчество, права нации на сохранение и развитие собственной культуры, сохранение национального наследия, поддержка художественного творчества во всем его многообразии, распространение всех форм культуры, обеспечение доступности культуры широким слоям населения» и т.п. Однако государство лишь изложило высокие идеи, на практике же вершится политика-антитеза государственной концепции. Под лозунгом «всё на продажу» запущены и успешно действуют механизмы реализации политики диаметрально противоположной. Монополия на «распространение всех форм культуры» и выбор этих форм отныне принадлежит шоу-бизнесу и телевидению, хоть и контролируемому государством, но проявляющему собственную инициативу в выборе развлечений, предлагаемых населению. Оставаясь главным, а для большинства населения единственным массовым «транслятором культуры», телевидение активно формирует массовое представление о ней с помощью примитивнейших се-

риалов, забав, заимствованных у зарубежных коллег, и продукции типа Дома-2, «Голые и смешные» и уроков секса.

В последнее время телевидение уверенно теснит Интернет – уже полностью не управляемый, стихийный поток информации, в котором изрядную долю занимают воинствующие безграмотность и бескультурье. «Право нации на сохранение и развитие собственной культуры» осуществляется на рынке «культурных услуг», где налажена торговля дилетантскими копиями зарубежной попсы, а «собственную культуру» олицетворяет лидирующая на всех телевизионных каналах разбитная Надежда Бабкина. Под постоянной и все растущей угрозой судьба культурного наследия, будь то отечественный репертуарный театр, памятники зодчества, музеи, помещения которых власти легко передают другим владельцам, особо охраняемые заповедные территории, застраиваемые коттеджами новых русских. Коммерциализация диктует репертуарную политику, потрафляющую самым невзыскательным вкусам, ограничивает доступ к искусству низкооплачиваемым бюджетникам, интеллигенции, студентам.

Какова же реакция на все это нынешней российской интеллигенции? Увы! – общий процесс, названный учеными «утратой морального кода», затронул и ее. Вернее, тех, кто себя к ней причисляет. Роль интеллигенции в жизни современной России далеко не та, что была некогда. Для сравнения можно привести истории двух художественных галерей России: великой Третьяковки – символа русской культуры и галереи современного художника А.М. Шилова, открытой в 1997 году. Каждая история – убедительный знак своего времени.

Середина XIX века. Московский купец и промышленник Павел Михайлович Третьяков, будучи еще совсем молодым человеком, определяет цель своей жизни: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало обществу, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствии» [1, с. 37].

*Илл. 5. Репин И.Е. портрет П.М. Третьякова, 1883.
Павел Михайлович Третьяков
(1832–1898).*

Илл. 6. Основное здание Третьяковской галереи в Лаврушенском переулке Москвы

В течение сорока лет Третьяков создавал уникальное собрание – две тысячи работ лучших художников России, произведения древнерусского искусства. Ряд работ для галереи выполнено по его заказу, в том числе серия портретов выдающихся современников. Третьяков – не только создатель, идеолог галереи, он ее директор, смотритель: сам составлял экспозиции и следил за уборкой залов, принимал деятельное участие в судьбах художников: на завещанные им средства рядом с Третьяковской галереей был построен приют для вдов и сирот нуждающихся художников. Сначала коллекция размещалась в доме Третьякова. Быстрый рост собрания привел к необходимости строить новые залы, а затем на собственные средства Третьяков строит специальное здание галереи. Его собранию был придан статус музея, частного по принадлежности, общественного по характеру, музея бесплатного и открытого на протяжении почти всех дней недели для любого посетителя без различия рода и звания. В 1892 г. Третьяков подарил свой музей Москве. Часть расходов по его содержанию город взял на себя, но Третьяков, предвидя затруднения с государственным финансированием, в своем завещании выделяет на нужды галереи огромную по тем временам сумму и помимо денежных средств завещает галерее недвижимое имущество и собрание древних русских икон. После смерти Третьякова газеты писали: «Третьяковской галерее нет теперь цены, так как за нее, кроме громадных денег, заплачено колоссальным личным трудом, грандиозной любовью к делу».

Илл. 7. Здание галереи Шилова на улице Знаменка

Без малого сто лет спустя, в 1997 г. в Москве открывается другой художественный музей, на сей раз государственный – картинная галерея, где выставлены работы только одного художника – Александра Шилова. Прекрасное здание напротив Кремля для этой галереи предоставило ему Московское правительство. Произошел взаимовыгодный обмен: художник передал в дар столице свои работы, а взамен получил несколько зданий, где расположилась его мастерская, где он хранит и выставляет свои картины (в отличие от дореволюционной Третьяковки, посещение галереи отнюдь не бесплатное). Не вдаваясь в полемику о весьма спорных достоинствах творчества Шилова и его коллег, также полюбившихся бывшему мэру Москвы Ю.М. Лужкову, отметим только, что ни один из великих художников-классиков России не удостоивался при жизни таких роскошных помещений для персональных собраний своих творений, какие подарены государством А. Шилову, И. Глазунову и З. Церетели. Пожалуй, и в мировой практике подобных примеров не найдется. На протяжении десяти лет Московское правительство не оставляет галерею Шилова своими заботами: ежегодно издаются все новые постановления о совершенствовании здания галереи, реконструкция и расширение которой, согласно этим постановлениям, должны «послужить сохранению исторического облика центральной части столицы». «Сохранение» оборачивается использованием статуса га-

лереи – объекта культуры – для коммерческого освоения лакомой городской территории.

Для «реконструкции» галереи инвестор получает соседние с галереей дома – памятники архитектуры XVIII—XIX веков, ломает структуру старинной усадьбы, сносит дом

причта церкви Николая Чудотворца Стрелецкого. Сама церковь была уничтожена в 1930-е годы, и историки Москвы констатируют: снос зданий в этом районе, начатый при Сталине, завершился при Шилове. В результате «реконструкции» галереи рядом с ней вырастают пятиэтажное торгово-административное здание делового центра «Знаменка» и роскошные апартаменты «Резиденция Знаменка», где площадь элитных квартир значительно превосходит музейную площадь, а стоимость квартир – от 20 тысяч долларов за квадратный метр.

Илл. 8. Александр Максимович Шилов (р. 1943)

Примеров, когда при участии, а то и силами авторитетных представителей нынешней интеллигенции, объединившихся с ловкими предпринимателями и городскими властями, осуществляются подобные проекты, немало. Пресловутый «квартирный вопрос» настолько испортил некоторых первых лиц нашей культуры, что их уже с полным правом называют вандалами. Руководитель музыкального театра «Геликон» Д.А. Бертман, удостоенный великого множества почетных званий и наград за «вклад в отечественную культуру», распространил свою богатую фантазию не только на более чем смелое прочтение оперных либретто, но и на практическое переосмысление фольклорных сюжетов, в частности – всем известной сказки о Зайце и Лисе. Как известно, Лиса сначала скромно попросилась переночевать в уголке лубяной избушки Зайца (всего лишь «сама на лавочку – хвостик под лавочку»), а потом выгнала Зайца из его дома, завладев избушкой. В 1990 г. будущему театру «Геликон» для репетиций было предоставлено одно из помещений в Центральном Доме культуры медработников – одном из старейших учреждений культуры, популярном клубе московских врачей, где проходила их профессиональная учеба, работали знаменитые университеты здоровья, любительские коллективы с детскими филиалами, в том числе прославленная народная изостудия, экспериментальная студия под руководством Марка Розовского (будущий театр «У Никитских ворот»). Дом культуры занимал красивейшее старинное здание на территории

усадебны Стрешневых-Шаховских, воссздававшей образ старинного боярского двора средневековой Москвы. Вся эта территория входит в состав объединенной охранной зоны памятников истории и культуры, утвержденной Правительством Москвы в 1997 году, и поставлена на государственную охрану как объект культурного наследия федерального значения. Вскоре это здание целиком перешло во владение театра Д. Бертмана, а Дом культуры выселен. Но с ростом популярности «Геликона» рос аппетит: «избушка» оказалась мала (см. уже другую сказку – о Золотой рыбке), и заручившись поддержкой прежних московских властей, в соответствии с их решением в рамках государственного контракта и за счет столичного бюджета «Геликон» начал расширять свои владения: вносится поправка в постановление, запрещающее новое строительство на заповедной территории, и вот уже полностью снесен флигель конца XVIII – начала XIX века, мешающий «Геликону», от другого флигеля уцелела лишь фасадная стена, главный усадебный дом XVIII века надстроен дополнительным этажом, готовится снос еще одного усадебного флигеля... Протесты специалистов и столичной общественности остаются без ответа. Вся надежда на нового московского мэра, к которому с просьбой спасти остатки заповедной территории обратился Президент Международного общества по спасению русских памятников и ландшафтов, советник по делам России Президента ИКОМОС. У «разбитого корыта», конечно же, «Геликон» не останется, но хочется надеяться, что он получит помещение на другой улице, где не придется рушить памятники культуры. Список «интеллигентов-вандалов» недавно пополнился еще одним именем: неподалеку от «Геликона» глава Союза кинематографистов Н.С. Михалков начал строительство семиэтажной гостиницы с подземными парковками. Опять выбран центр Москвы, территория рядом с заповедными Патриаршими прудами, вплотную к старым домам в узком переулке. Уже в самом начале расчистки территории стены этих домов дали трещины, лопнул асфальт. В ответ на протесты жителей последовали разгоны, аресты, приводы протестующих в милицию и, наконец, по странному стечению обстоятельств – пожар в соседнем со стройкой доме.

Иллюстрацией «морального кода» верхушки современной интеллигенции может послужить солидный список подобных «решений квартирного вопроса» взаимовыгодных для представителей власти и мастеров отечественной культуры, настолько прославленных и авторитетных, что у самых смелых СМИ не поднимается рука их критиковать.

Какова интеллигенция страны, такова и ее культурная политика, далекая от насущных проблем своего времени, в основе которой отсутствует не только уважение к прошлому, но и забота о будущем страны.

Илл. 9. Пионеры в воскресенье на Красной площади

Роль важнейших инструментов реализации современной государственной культурной политики, начиная с 1993 г., выполняют Федеральные целевые программы. Формулировки задач этих программ поистине судьбоносны: «Развитие культуры и сохранение культурного наследия России; сохранение потенциала и культурного наследия страны, обеспечение преемственности развития российской культуры наряду с поддержкой многообразия культурной жизни; обеспечение единства культурного пространства, равных возможностей доступа к культурным ценностям для жителей различных категорий страны и представителей разных социальных групп, создание условий для диалога культур в многонациональном государстве; формирование ориентации личности и социальных групп на ценности, обеспечивающие успешную модернизацию российского общества» [2, с. 8]. И т.д. и т.п. Надо отдать должное авторам – для каждой из программ они сформулировали чрезвычайно своевременные, точные проблемы, требующие решений. Какие выбираются решения, и почему они явно не соответствуют значимости поставленных задач, как на деле формируются федеральные программы – особая тема, требующая серьезного анализа специалистов. Обратим внимание только на одну очень важную особенность программ, а, следовательно, нынешней государственной культурной политики: в них отсутствует сколько-нибудь последовательно разработанная система работы с подрастающим поколением, которое исключено из сферы внимания Министерства культуры. Только в самой первой федеральной программе 1993 г. была сделана попытка приступить к этой важнейшей теме. Однако уже тогда именно на

поддержку многочисленных проектов, присланных с мест для включения в подпрограмму «Инновационные формы работы с детьми», средств не хватило. Сегодня о «культуре детства» искренне пекутся в основном лишь подвижники-энтузиасты. Их героические усилия, их полезнейший для всей страны опыт остаются вне сферы интересов и Министерства культуры, и Министерства образования, и всевозможных комитетов и комиссий, занимающихся проблемами детства и формированием молодежной политики, роль которых в нравственном и эстетическом воспитании подрастающего поколения сведена к минимуму.

Результаты – налицо: «облик человека, воспитываемый сегодняшней страной», облик, с которого вполне вероятно может начинаться наша родина в недалеком будущем, предстал перед перепуганной Россией в декабре 2010 года, когда в Москве, а затем и в других городах имели место так называемые «несанкционированные акции молодежи». Беснующиеся толпы, большинство которых составляли школьники – мальчики и девочки, вышли на улицы. Одни, вооруженные ножами, арматурой, дымовыми пашками и травматическими пистолетами, вышли, чтобы убивать, избивать и крушить, другие – чтобы посмотреть, как убивают. И те и другие жаждали острых ощущений, возможности выплеснуть переполнявшую их агрессию, которую до этого нагнетали родители, улица, старшие товарищи.

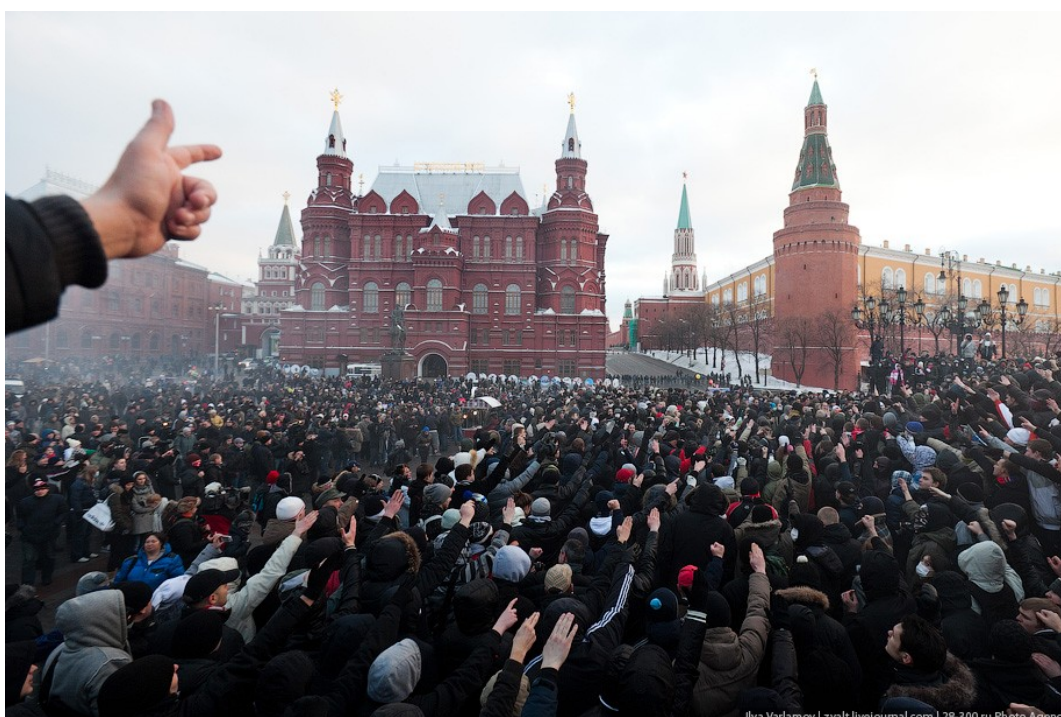

Илл. 10. Манежная площадь. Беспорядки в Москве, декабрь 2010 года

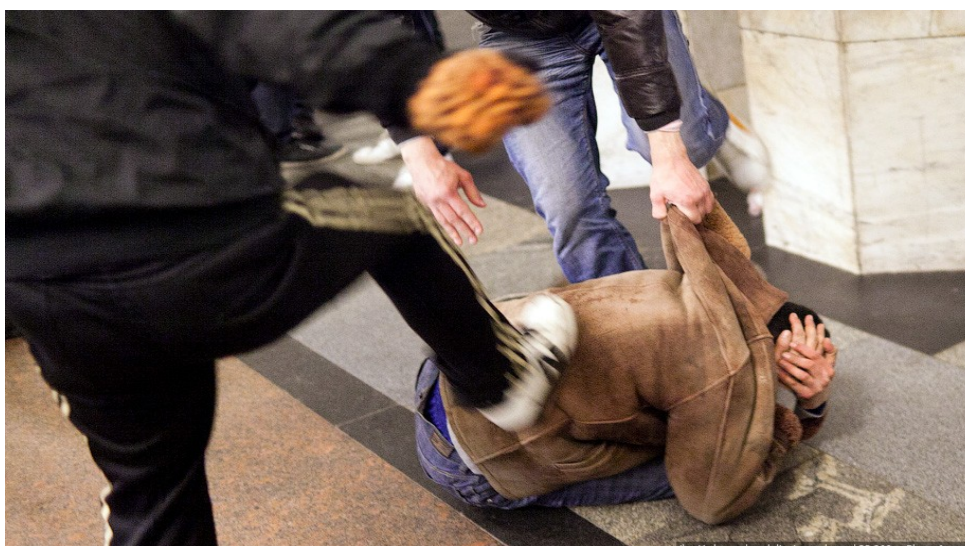
В числе виновников беспорядков были объявлены органы правопорядка: мол, не «предотвратили», потом обвинили «зловредных взрослых провокаторов». И только вскользь упрекнули школу, никто не упомянул о телевидении, изо дня в день преподающем подросткам наглядные уроки драк, поножовщины и стрельбы, не учли разрушающих неокрепшую детскую психику оглушительных ритмов, денно и нощно бьющих по ушам и составляющих звуковой фон, сопровождающий подростков и провоцирующий на соответствующие выплески энергии, несущественными сочли отсутствие в стране соответствующего детскому возрасту телевидения и кино, предельное сокращение и упрощение в школьных программах курсов литературы и истории (как тут не вспомнить знаменитого адвоката Федора Плевако, уверенного, что «крепость против грядущего хама – классическое образование»), массовую ликвидацию детских клубов, сворачивание общедоступного спорта для детей, и как результат – глобальное отсутствие Позитива, отсутствие Дела и Идеи, питающих разум и чувства, исчезновение из жизни подростка атмосферы развивающей доброй игры в самом широком ее понимании, без которой невозможно нормальное развитие ребенка. Заменявшие детскую игру компьютерные игры и игровые автоматы – отнюдь не ее альтернатива. Вызвана подобная политика прежде всего все той же всепоглощающей жаждой наживы. По отношению к детям удовлетворять самые большие аппетиты легче всего. Казалось бы, наконец-то отреагировало государство, приняв постановление о защите подрастающего поколения от растлевающего влияния разного рода информации, фильмов, телепередач, изданий, игр, Интернета и т.д. Но с непонятной отсрочкой: «защищать» можно будет только через два года, а пока разрешено свободно наживаться, обрушивая на детей поток порнографии, жестокости, глупости.

В «несанкционированных акциях» участвует определенная категория подростков, которых в педагогике называют «педагогически запущенными». Иначе говоря, это дети, не получившие должного воспитания, не испытывавшие должного влияния семьи и школы, не почувствовавшие должной заботы государства. Число таких «педагогически запущенных» и детей, и их родителей стремительно растет, потому что в стране предельно сокращен рацион пищи духовной, пищи уму, что приводит к атрофии души и ума, способности к нормальным человеческим чувствам – добру, любви к людям и природе, потребности в творчестве, умения трудиться. Образовавшийся вакуум заполняется жадой развлечений и острых ощущений. И если существует некая «молодежная культурная политика», то она сводится к попыткам удовлетворять эту свойственную подросткам жажду, приучать к постоянному «экстриму» и в спорте, и в развлечениях, и в массовых зрелищах, и в рекомендуемых играх. Неслучайно «несанкционированные акции» начались с Манежной площади. Именно она была выделена властями для традиционных массовых сборищ молодежи, куда она приходила «оттянуться по полной», побуйнить, порезвиться, выпить и нередко – подраться под оглушительный возбуждающий рев динамиков. Легко завладел юными умами, заполнил образовавшиеся бреши культивируемый в стране «футбольный фанатизм», прекрасная возможность выплеснуть энергию и агрессию, сначала направленную на болельщиков-противников, потом – весьма возможно – на представителей других национальностей, и далее, возможно, круг «врагов» будет все расширяться. Как радовались власти, когда два года назад на улицы ночных городов и поселков вышли тысячи подростков и молодых людей, ликующих в связи с победой нашей футбольной сборной.

Устрашающего вида толпы молодых людей и подростков, вооруженных бутылками и палками, искаженные пьяные лица, дикие крики. Взрывались петарды, в окна магазинов летели пустые бутылки, жались к стенам перепуганные милиционеры. Не было ли это первой репетицией дебоша на Манежной площади в декабре 2010 года? Но тогда государственные мужи радовались: «наконец-то у молодежи появился повод гордиться родиной». Приученными к «экстриму», необразованными и агрессивными подростками легко манипулировать, нетрудно натравливать их на кого угодно. Представляется, что тревога по поводу распространения фашизма в подростковой среде преувеличена: сознание и психология основного состава юных «фашистов» и «националистов» настолько убоги и примитивны, что какие-либо «убеждения» им попросту не по зубам. Фашистская символика – для них скорее экстремальная игра, способ эпатажа, самоутверждения, возможность привлечь к себе внимание, и за неимением других – единственное «поле самореализации», о чем справедливо заметил В.В. Путин. А раз твое поле единственное, то его нетрудно использовать в своих целях взрослым националистом, фашистом, лжепатриотом, ведь выходящие «бить инородцев» подростки, как и их родители и воспитатели, выросли в стране, где принято постоянно искать виновников существующих бед. Среди врагов не только нетленный Дядя Сэм, но каждому времени соответствовали и свои отечественные противники, которых следовало беспощадно «уничтожать» – «вредители-враги народа» и их дети, кулаки, служители культа, сектанты, те, кто «в очках и шляпе», диссиденты, а также постоянные, исконные с самых древних времен враги – «инородцы». Менялся только выбор их национальной принадлежности, представлявшей в данный момент «особую опасность». Здесь всегда достаточно было малейшей искры, чтоб вспыхнуло пламя. В поисках способов самореализации предоставленные сами себе подростки сбиваются в стаи, агрессивные и трусливые. Стаи по собственной инициативе назначают жертв: это могут быть китайцы, негры, киргизы – главное, чтобы это был одинокий прохожий.

До смерти забивают и соотечественников – бомжей, во время лесных пожаров поджигают деревья и траву. Одна такая подмосковная стая сожгла в «Вечном огне» вполне русского молодого человека, попытавшегося объяснить подросткам, что «Вечный огонь» – не место, где можно пить и буяннить. Этот ужасающий факт «патриоты нынешнего разлива» предпочли замолчать, зато убитый во время драки футбольный фанат (на его месте мог оказаться любой участник драки) объявлен чуть ли не национальным героем. «Ксенофобия» подростков соответствует психологии стаи. Она зверски расправится с беззащитным дворником-таджиком, но не рискнет напасть на окруженного охраной владельца рынка или обитателя роскошного дворца...

В декабре 2010 г. были продемонстрированы результаты не только современной молодежной политики, но и политики культурной – во всей красе предстало перед нами «лицо хамства, идущего снизу, хулиганства, босячества, черной сотни» [5, с. 117]. Будут ли сделаны выводы, или все останется по-прежнему: не до заботы о будущем своей страны тем, кто целиком поглощен «интересами своей торговой конторы» «с постоянным исключением общечеловеческих интересов». Остается вновь и вновь повторять призыв к молодежи, впервые прозвучавший более ста лет назад: «Одного бойтесь – рабства и худшего из всех рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть чёрт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный чёрт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют»... [5, с. 115]. Остается надеяться, что не может исчезнуть генетическая память, хранящая великие традиции культуры России, и придет время, когда лидирующее положение в обществе займут люди, способные вновь «перезагрузить» культурную политику на пользу своему Отечеству.

Список литературы:

1. Не по службе, а по душе. Из истории общественных инициатив в России. – М.: «Информ-Знание», 2005.
2. Мошенский А.А. К вопросу о государственной культурной политике // Ориентиры культурной политики. – М.: Федеральное агентство по культуре и кинематографии.– Вып. 11, 2004.
3. Социологическая энциклопедия в 2-х томах. Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин, Т. 2.– М.: Мысль, 2003.
4. Хренов Н.А. Рецидив мещанско-предпринимательской субкультуры России // Культура России: возрождение или упадок? – М.: Клуб «Реалисты», 1997.
5. Мережковский Д.С. Грядущий хам // Интеллигенция – Власть – Народ. Антология [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/intell/mer_grham.php (дата обращения: 20.12.2010).

6. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.base.garant.ru/104540/> (дата обращения: 20.12.2010).

Сведения об использованных иллюстрациях:

Ил. 1. Ральф Уолдо Эмерсон. Литография Леопольда Грозельера (Leopold Grozelier), 1859. - Режим доступа: URL: <http://libusa.info/emerson.shtml> (дата обращения: 12.01.2011).

Ил. 2. Николай Иванович Новиков. - Режим доступа: URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st023.shtml> (дата обращения: 12.01.2011).

Ил. 3. Альфонс Леонович Шанявский. - Режим доступа: URL: <http://www.diary.ru/~tour/?tag=27775> (дата обращения: 12.01.2011).

Ил. 4. Алексей Александрович Бахрушин. - Режим доступа: URL: <http://m-necropol.narod.ru/bahrushin-aa.html> (дата обращения: 12.01.2011).

Ил. 5. Репин И.Е. портрет П.М. Третьякова. - Режим доступа: URL: http://www.museum.ru/tretyakov/hid/r_hist3.htm (дата обращения: 13.01.2011).

Ил. 6. Основное здание Третьяковской галереи в Лаврушенском переулке Москвы. - Режим доступа: URL: <http://moskvagid.ru/fotoreportazhi/94-galerei-moskvy.html> (дата обращения: 13.01.2011).

Ил. 7. Здание галереи Шилова на улице Знаменка. - Режим доступа: URL: <http://eurotiivi.ru/about/gallery> (дата обращения: 14.01.2011).

Ил. 8. Александр Максович Шилов. - Режим доступа: URL: <http://www.vestnik.com/issues/2003/0402/win/nuzov.htm> (дата обращения: 14.01.2011).

Ил. 9. Пионеры в воскресенье на Красной площади. - Режим доступа: URL: <http://www.faz.net/m/%7B4EF05E90-BE28-4AE6-BFB9-4D7BB611E65B%7DPicture.jpg> (дата обращения: 14.01.2011).

Ил. 10. Беспорядки в Москве Манежная площадь, декабрь 2010 года. - Режим доступа: URL: <http://zyalt.livejournal.com/2010/12/11/> (дата обращения: 17.01.2011).

Источник: *Культура в современном мире*. — 2011. — № 1. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>